

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА УРОВНЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Изучение словосочетаний¹ очень важно как с теоретической точки зрения (в словосочетании как строительном материале предложения наиболее ярко проявляется национальная специфика языка), так и с чисто прикладной стороны: ведь исследование форм и типов словосочетаний дает возможность моделировать соответствующие структуры языка при помощи электронных машин.

Словосочетание — это особая синтаксическая единица языка, определяемая своим особым местом в ряду других синтаксических единиц (предложение, член предложения). Трудность определения данной единицы заключается в том, что признаки как слова, так и предложения, т. е. единиц, в ряду которых словосочетание находит свое выражение, не найдены. Тем не менее понимание сущности словосочетания определяется в зависимости от того, берется ли за исходный момент предложение или слово. Не раз пытались классифицировать словосочетания, отыскивая минимальную единицу с такими лингвистическими критериями, которые соотносились бы с предложением.

А. М. Пешковский, например, пытался классифицировать типы словосочетаний, не подходящие под тип предложения. Но, связав себя понятием «неполного предложения», он не смог преодолеть полностью логического подхода и дать систематическую классификацию словосочетаний.

Так говорит С. И. Абакумов², но сам иного решения не подсказывает, а характеризует словосочетание через предложение. При этом он так определяет словосочетание: «Два слова, связанные

¹ Понятие «словосочетание» употребляется иногда а) в значении лексической сочетаемости, о чем свидетельствует этимология слова. б) Если при этом имеется в виду его грамматическая сочетаемость, т. е. не словосочетание как материальное сочетание конкретных слов, а потенциальная структура, то ее называют «конфигурация». Термин заимствован из математики, Т. Н. Молошной. в) Если же оппозиция указанных понятий не имеет значения, то чаще всего сохраняют термин «словосочетание».

² Русский язык в школе, стр. 42, кн. 3, М., 1923.

по смыслу и грамматически, образуют словосочетание»¹. Данное определение целиком соответствует определению синтагмы, например, у С. И. Карцевского: «Такое сочетание двух знаменательных слов или двух частей фразы, при котором они относятся друг к другу как Т и Т' (т. е. определение и определяемое — И. Б.) называется синтагмой»².

Как видим, компоненты парных сочетаний — это те же члены предложения, а, значит, синтаксические отношения между элементами словосочетаний (т. е. парных соединений) и отношение между членами предложения одни и те же: предикативные, атрибутивные и пр.

Одним словом, подобная точка зрения является общей для многих лингвистов. Она восходит еще к Ф. Ф. Фортунатову³, который считал предложение лишь разновидностью словосочетаний.

При таком понимании предложение выступает как законченное словосочетание, и специфика того и другого исчезает.

Слово, как сказано, — другая исходная точка при определении словосочетания. Значит, выделение словосочетания зависит от выделения слова, поскольку его признаки зависят от признаков слова.

Так, этот критерий оценки дает очень важный признак словосочетанию, резко отличающийся от предложения как единицы общения и сообщения. Речь идет о номинативности словосочетания в отличие от предикативности предложения. Различие заключается в том, что слово выражает единое понятие, в то время как словосочетание выражает хоть и одно понятие, но расчлененное. Расчлененность единого понятия — обязательный признак словосочетания.

Расчленение можно осуществить только при наличии, минимум, — двух слов, характеризующихся взаимозависимостью. Таким образом, «структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания»⁴.

Данное определение ставит сочетаемость слова в речи с другими словами в зависимость от семантики. Но так называемое семантическое распространение слова не определяет словосочетание с грамматической точки зрения, потому что семантическая расчлененность есть и в словах из нескольких морфем, а структурный признак слова заключается как раз в обратном — в его неделимости.

Итак, словосочетание — это сложное наименование, выражающее единое понятие в расчлененном виде и, значит, как и слово, характеризуемое номинативностью.

В словосочетание, понимаемое именно в таком смысле, нельзя включать сочинительные сочетания, потому что характерная осо-

¹ Совр. русский язык, М., 1942, стр. 119.

² С. И. Карцевский, Русский язык, стр. 28, Прага, 1925.

³ Грамматика русского языка, т. II, АН СССР, 1954, стр. 10.

⁴ Грамматика русского языка, АН СССР, М., 1954, стр. 11.

бенность этих сочетаний — логическая и грамматическая автономность их компонентов. Ясно, что если сочетание не имеет ядра, значит компоненты его взаимонезависимы и выражают не одно понятие, а целый ряд независимых понятий. Но если сочинительные сочетания (например, однородные определения) относятся к господствующему слову, то проблема усложняется.

1. Однородные определения не образуют параллельных рядов, если между пояснительными словами и стержневым словом устанавливается не параллельная, а ступенчатая зависимость от стержневого слова.

При такой зависимости непосредственно к господствующему члену (ядру) относится лишь ближайшее определяющее слово. Образовавшееся при этом словосочетание выступает в отношении другого определяющего, как стержневой элемент, ядро. Например, *Mon cher ami, votre humble serviteur*, Советская Социалистическая Республика и т. д. *Cher ami, ...*, Социалистическая Республика выступают как ядро.

2. Другое дело — однородные сочетания, в которых каждое определяющее связано с определяемым непосредственно. В этом случае в строе предложения образуется столько словосочетаний, сколько определяющих; в то время, как в первом случае образуется одно сложное словосочетание. Например: Синие, серые, серебристые машины двигались на юг.

Логически, признак, выраженный каждым определяющим, относится к части предметов, обозначаемых определяемым существительным — ядром в отличие от последовательного подчинения, где каждое определяющее относится ко всему объему понятия, хоть сам объем понятий при этом, естественно, сужится.

Лингвистически, указанные смысловые различия этих словосочетаний находят свое внешнее выражение в составе предложения в интонации. Значит, каждому из этих словосочетаний должна соответствовать своя интонация. В самом деле, смысло-различительная функция интонации легко обнаруживается при сравнении двух типов интонации в одном и том же словосочетании. Например: великий русский язык и великий, русский язык. В первом случае — одно словосочетание, во втором — два. Графически это отмечено противопоставлением, «запятая — отсутствие запятой». В интонации запятая соответствует паузе. Кроме того, сам характер интонации (мелодии) тоже меняется: из повествовательной в первом случае, она становится интонацией перечисления во втором. Короче, независимая интонация перечисления и каждому элементу словосочетания сообщает характер независимости, равноправности.

Смыслоразличительным признаком в сложном словосочетании служит также логическое ударение¹. В предложении «Более ком-

¹ Термин «интонация» употребляется как в значении «мелодика», так и в более широком смысле, включая мелодику, ритм, ударение.

петентный советский читатель может судить сам о положении вещей» словосочетание «более компетентный советский читатель» приобретает различный смысл в зависимости от места ударения. Если ударение падает на одно из определений этого словосочетания, то остальные примыкают к нему как к центру. По своей синтаксической функции логический акцент соответствует в сложных словосочетаниях функции неопределенного артикля, так как второй член оппозиции как слабый, маркированный, соответствует известному, данному, тождественному, тому, что выражается определенным артиклем.

Значит, *le lecteur soviétique plus compétent* соответствует русскому словосочетанию с акцентом на «компетентный», что в свою очередь, во французском варианте выражено, положением этого элемента в конце ритмической группы, т. е. тоже под ударением (но не логическим).

Некоторые лингвисты полагают, что тип словосочетания по принципу построения параллельного ряда с внешней стороны не отличается от словосочетаний сочинительных.

Так, В. В. Ярцева говорит: «Словосочетание представляет собой смысловое и грамматическое объединение двух полнозначных слов (например, скучная книга, нести корзину). Этот основной вид словосочетания имеет своими разновидностями словосочетания расширенные (скучная, непонятная книга, нести корзину и пальто) и распространенные (необычайно скучная книга, нести тяжелую корзину)»¹.

Из основной функции словосочетания вытекает и другое очень важное свойство, а именно: оно должно быть объектом самостоятельного исследования, т. е. вне предложения. Некоторые лингвисты придерживаются противоположного мнения (например, В. П. Сухотин). Однако, в таком случае, мы приходим к смешению словосочетаний и членов предложения.

Но если исходить из положения В. В. Виноградова о номинативности словосочетания, то оно должно стать объектом исследования независимо от предложения, так как словосочетание развилось на основе учения о частях речи.

«Словосочетание обычно образуется на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи, в соответствии с правилами его сочетаемости с другими словами»².

Но здесь следует заметить, что отношения, возникающие на основе сочетаемости слов, не всегда свидетельствуют о номинативности словосочетания. Такими отношениями являются отношения между существительным и глаголом (объектные отношения между элементами словосочетания).

Если же номинативность не считать основной функцией словосочетания, тогда нельзя исключать и предикативность из при-

¹ В. Н. Ярцева, Предложение и словосочетание, Вопросы грамматического строя, АН СССР, 1955.

² Грамматика русского языка, т. II, АН СССР, 1954, стр. 13.

знаков словосочетания, так как возможность предикативных отношений заложена в самом строе словосочетания и проявляется с большей силой в речи.

Дело в том, что функционирует словосочетание только в составе предложения. Поэтому исторически и «само выделение словосочетания происходит лишь на базе предложения, частью которого оно является»¹.

Таким образом, изучая словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу, мы замечаем, что часто оно как бы сохраняет многие черты той среды (предложения), из которой вычленилось.

Во французском языке наблюдается семантическая близость атрибутивных и предикативных отношений.

Ш. Балли даже объединяет их функции одним названием «присущности».

А если какие-либо отношения имеют еще и типическую форму лингвистического выражения, то различие этих отношений составит функцию словосочетания.

Итак, предикативные связи можно усмотреть не только между формами *verbum finitum* и объектом, но и между прямым дополнением и его атрибутивным признаком. Например: *Je le trouve surprenant*. Одно и то же синтаксическое соединение может быть предикативным или нет в зависимости от того, находится ли оно в составе предложения, или нет.

Н а п р и м е р: *La lampe soufflée* и *La lampe soufflée il s'est couchée*.

В приведенных примерах причиной двойственности функции одного и того же словосочетания является двойственная природа причастия. В составе словосочетания оно выпячивает свою атрибутивную функцию, функцию прилагательного; в составе же предложения преобладает предикативная природа глагола.

Лингвистическим признаком выражения предикативных или атрибутивных отношений является интонация.

Возьмем и приведенный выше пример:

Более компетентный советский читатель и т. д. Если логически выделенному (с помощью ударения) элементу (компетентный) сообщить еще паузу, то функция словосочетания изменится в предикативную. Точнее, оно распадется на два различных словосочетания, и первое (более компетентный) будет равно по функции предложению: Поскольку советский читатель — более компетентный и т. д.

Однако, только объектные отношения являются регулярно повторяющимся видом предикативных отношений. Дело в том, что, как правило, так называемые переходные глаголы не обладают способностью выражать законченную мысль без «прямого допол-

¹ В. Н. Ярцева, Предложение и словосочетание. Вопр. грамматического строя, АН СССР, 1955, стр. 450.

нения», которое является необходимым условием для приобретения этим глаголом полной предикации.

Сочетание глагола с дополнением составляет один из наиболее обширных и разнообразных по своему подержанию типов словосочетаний. Формы дополнений определяются строем данного языка. В языках синтетического строя переходность находит свое лингвистическое выражение в форме сочетания глагола с существительным в винительном падеже: 1) Люблю отца; 2) *Apo patrem*; 3) *Ich liebe den Fater*.

В языках, утративших склонение, прямая переходность выражается сочетанием глагола с существительным без предлога: 1) *J love my father*; 2) *J'aime mon père*.

Во французском языке переходность выражается только синтаксически: через сочетаемость глагола с беспредложным существительным — прямым дополнением.

Однако простая модель «сказуемое + прямое дополнение» осложняется тем обстоятельством, что беспредложное приглагольное существительное, как и винительный падеж синтетических языков, может выступать и в роли обстоятельства. Таким образом, вопрос состоит в том, остается ли данная глагольная модель тождественной сама себе или же это совершенно разные модели. Последние будут различными в том случае, если существуют объективно-лингвистические критерии их разграничения.

Традиционно этот вопрос решают просто: считают, что глагол сам по себе обладает транзитивной природой.

Поэтому, если глагол сочетается с объектом (беспредложное существительное), то при непереходных глаголах оно занимает позицию обстоятельства, а при переходных — прямого дополнения. О. И. Богомолова так и говорит:

«...непереходное и переходное употребление глаголов нельзя отождествлять с непереходностью и переходностью самих глаголов¹. Тем самым признается, что глаголы характеризуются как присущей им от природы транзитивностью, так и синтаксическим употреблением (очевидно, сочетаемостью).

Наоборот, признавая только синтаксический характер транзитивности, мы заранее не знаем, переходный или непереходный перед нами изолированный глагол, ибо его транзитивность определяется только структурно, через сочетаемость.

Значит, глаголы разделяются на две большие группы переходных и непереходных по структурному признаку, а не по «природе».

Но сложность вопроса заключается в том, что такая дистрибуция глаголов не исключает и более сложных случаев, когда сочетаемость глагола с беспредложным существительным еще не определяет его транзитивности (в ее традиционном понимании).

¹ Современный французский язык, 1948 г., стр. 22.

Возьмем, к примеру, такие предложения: «Il oublie le devoir и il oublie toujours». У них одинаковое число членов окружения. Но в первом случае окружение ядра (oublie) — оптимальное; во втором — недостаточное и избыточное одновременно (если оно ограничено контекстом, т. е. требует ответа на вопрос «il oublie toujours — quoi?») А если это окружение признать оптимальным, т. е. с неналоженным ограничением со стороны контекста (традиционно — глаголы полной предикации), то глагол оказывается разноместным. Значит, в данной модели мы имеем дело с другим значением глагола. Так, объективно, структурно, выделяются абсолютные значения глагола (или абсолютное употребление непереходного варианта переходного глагола).

Таким образом, характер глагола (и глагольного ядра) определяется позицией сочетающегося с ним слова. Характер же позиции определяется принадлежностью к тому или иному классу слов (части речи).

В данном случае сочетающееся с глаголом слово (toujours) выражено наречием. Это и является сигналом (тем более, что наречие часто имеет четкий морфологический показатель — ment) для распознавания функции слова в предложении.

Но дело обстоит сложнее, когда слова, сочетающиеся с глаголом, принадлежат к одному классу слов, но занимают разные позиции и, следовательно, образуют разные словосочетания (с глаголом).

Н а п р и м е р: «Il attend une heure» и «Il attend une amie».

Как видно, различие не проявляется ни в одном из существующих синтаксических способов. В таком случае говорят, что функции слов различаются по смыслу, логически. На самом деле это означает отказ от исследования критериев функциональных различий соответствующих структур.

Отсутствие эксплицитных лингвистических знаков, различающих функции слов, свидетельствует о наличии каких-то имплицитных сигналов, отыскание которых, собственно, и составляет задачу лингвистики¹. В противном случае (т. е. когда отсутствуют дифференциальные признаки), не может быть и различия в функции.

В приведенном примере существительное после глагола — une heure — выполняет функцию обстоятельства, несмотря на то, что оно с виду не отличается от существительного в роли прямого дополнения — une amie. Однако, валентные свойства, на которых основано функциональное различие, существуют имплицитно.

Если мы скажем: «Il attend une heure matinale», то функция слова изменится: оно станет прямым дополнением. Значит, определитель меняет функцию существительного. Лингвистически это можно истолковать не иначе, как через парадигматическое противопоставление нулевой формы — (une heure + 0) и мате-

¹ Ch. C. Fries, The structure of English, ed. 2, 1957, p. 175.

риально выраженной (*une heure + matinale*). Здесь нет решительно никакого различия между отмеченным противопоставлением и падежной нулевой формы — стол + о — в ее парадигматическом противопоставлении положительно выраженному знаку — стол + а — и т. д.

В первом случае нулевой знак несет на себе функцию обстоятельства в противопоставлении положительному знаку — определителю — прилагательному. Разница состоит лишь в уровнях языковых структур, но это непринципиальное различие.

Данное явление (технически) представляет собой разворачивание конфигураций — явление обратное анализу по Н. С. А разворачивание конфигурации в свою очередь — это момент трансформационного анализа.

Другим лингвистическим критерием разграничения функций приглагольного существительного может быть подстановка. Подставив в предложении «*Il attend une heure matinale*» непереходный глагол, мы замечаем, что он может сочетаться только с существительным без определителя: «*Il marche une heure*».

Но нельзя сказать без предлогов: «*Il va une heure matinale*». Можно сказать: «*Il va par un temps pareil*», но это уже к делу не относится. Это доказывает, что 1) данный глагол непереходный; 2) значит, по определению, он не может сочетаться с прямым дополнением. И, наоборот, подтверждает исходный тезис, что: 1) глагол, употребляемый с определяемым существительным (способным самостоятельно занимать позицию обстоятельства), переходный, 2) существительное с определителем занимает позицию прямого дополнения, а не обстоятельства (каким оно является без определителя).

Однако только этим проблема не исчерпывается. Дело в том, что не всякого рода определители при существительном меняют обстоятельственную функцию существительного на дополнительную.

Беспредложное существительное при переходном глаголе в функции обстоятельства обычно обозначает время. Время же — такое явление действительности, которое в человеческом языке измеряется. А эти единицы измерения выражаются словами, обозначающими меру, количество, расчлененность.

Поэтому существительное (даже неупотребляемое само по себе в функции обстоятельства при переходных глаголах) становится способным занимать позицию обстоятельства, как только оно определяется способными обозначать меру, количество определителями. Такими определителями являются определители, выраженные именами числительными и неопределенными местоимениями (местоименные прилагательные): *deux, trois, toute, quelque, plusieurs, etc.* Поэтому существительные с такими определителями, как и без них, могут занимать позицию обстоятельства при переходных глаголах (и, конечно, непереходных). Ex.: *Il attend une heure, il attend toute une heure; il marche, il va etc toute une heure,*

tout le temps, etc. Таким образом, определители беспредложного приглагольного существительного — объективный (структурный) лингвистический критерий для отличия обстоятельственной функции существительного от дополнительной. Тем более, что эти два ряда определителей подчиняются и вполне определенному порядку слов. Если при существительном в дополнительной функции определитель — прилагательное стоит, в основном, в постпозиции (а если в препозиции, то между артиклем и существительным — «J'attends une belle minute»), то временные определители всегда стоят в препозиции, перед существительным с артиклем или без артикля: «Je marche toute la journée, il a vécu plusieurs années, etc.

Лингвистически, указанные структуры (существительное + его определитель) эндоцентрические, ибо все словосочетание обладает той же функцией, что и его главный член. Однако эти определители различаются не лексически, а грамматически (синтаксической сочетаемостью). Так, словосочетание «un très bon ami при разложении на Н. С. содержит несколько главных и зависимых членов: un — первый зависимый член, très bon ami — главный, très bon (très — зависимый, bon — главный) — второй зависимый; ami — главный. Последний главный член — центр словосочетания, так как несет ту же функцию, что и все словосочетание.

Но с другой стороны, в словосочетании *ces amis* (очевидно, тоже эндоцентрическое) определитель отличается от других определителей тем, что после него можно поставить какие угодно (формально, не материально) определители — перед главным членом. — Но перед тем можно оставить только один — единственный определитель — *tout* (*touts*).

Значит, оба эти определителя замыкают словосочетание. Причем позицию *ce*, *cet*, *ces* может занимать *un*, *le*, а *tout* замыкает его абсолютно. Таким образом, отмеченные два подкласса определителей различаются структурно, а не семантически. Названные структурные различия определителей соответственно изменяют функцию беспредложного приглагольного существительного в роли дополнения. Таковы критерии разграничения лингвистических единиц на уровне словосочетания.

¹ Определители способны выполнять функцию различительных признаков потому, что они являются диагностическим окружением для существительного.